<u>Задания заключительного этапа 16 Всероссийской олимпиады школьников по литературе</u>

<u>10 класс</u>

<u>1 тур</u>

<u>Комплексный анализ художественного текста</u>

А.К. Толстой

Артемий Семенович Бервенковский

Я вспомнил, как двадцать лет тому назад, когда я спешил по большой дороге в Кириллов, передняя ось моей брички переломилась, и я принужден был остановиться. Оглядываясь во все стороны, в надежде найти какое-нибудь пристанище, увидел я верстах в двух от дороги какое-то странное здание, похожее на ветряную мельницу, но необыкновенно сложного механизма. Я направил к нему шаги и вскоре очутился перед красивым господским домом со многими флигелями и пространным садом; тут же показалось мне скрытое доселе высоким холмом красивое село. Странное здание непонятной архитектуры находилось на самом холме, в близком расстоянии от дома. Старый дворецкий, стоявший у входа, сказал мне, что имение это принадлежит Артемию Семеновичу Бервенковскому. Просьба моя – послать людей для починки брички – тотчас была исполнена; но когда я спросил: нет ли в селе постоялого дома, где бы мне остановиться, дворецкий всплеснул руками.

– Батюшки! – вскричал он, – да господский-то дом на что? Да Артемий Семенович меня изволит прогнать вподзатыльцы, если я вас теперь отсюда выпущу. Нет, сударь, извините, а уж вы у нас должны денька два погостить.

– Как, – спросил я, удивленный таким радушным приемом, – да ты меня, верно, за кого-нибудь другого принимаешь?

– Как за другого? – сказал старик, и морщины его лица несколько сгладились под добродушной улыбкой. – Да за кого ж другого мне вас принимать, сударь: ведь вы, верно, проезжий?

– Именно проезжий.

– Так уж не прогневайтесь, а у нас такой обычай: извольте недельку здесь прожить, а потом, пожалуй, ступайте себе с Богом!

Я попросил, чтоб обо мне доложили хозяину.

– Вот-та! – сказал дворецкий, – что ж тут докладывать! Ступайте себе в гостиную; только теперь Артемий Семенович изволят гулять нагишом, так не угодно ли отдохнуть на диване или чего-нибудь покушать? Они скоро воротятся.

– Артемий Семенович гуляет нагишом? – спросил я.

– Точно так, – отвечал хладнокровно дворецкий. Я невольно засмеялся; но дворецкий продолжал, как будто ничего не замечая:

– Теперь четверть шестого. До шести часов Артемий Семенович будет гулять; от шести до половины седьмого они изволят кричать; а потом, – прибавил дворецкий с тяжелым вздохом, – они будут заниматься механикой.

– Как? – спросил я с возрастающим любопытством, – Артемий Семенович кричит всякий день от шести часов до половины седьмого: ровно полчаса?

– Не всегда, сударь; иногда они изволят кричать целый час, но только в сырую погоду.

– Но разве, – спросил я, несколько запинаясь, – Артемий Семенович немного... того? – Я повертел пальцем над головою.

– Что вы, что вы, батюшка! бойтесь Бога! что вы это говорите... еще этого нам недоставало!... – И на глазах старика навернулись слезы.

"Чудак же твой барин!" – подумал я.

Мы вошли в гостиную. Дворецкий меня оставил и побежал за чаем, а я подошел к окну. Оно отворялось в сад. Не прошло пяти минут, как мимо окна пробежал человек средних лет, которого вся одежда заключалась в парике и в башмаках; у него, сверх того, были часы на золотой цепочке. Увидев меня, он мне дружески кивнул головою и сделал рукою успокоительный знак, как будто говоря: не беспокойтесь, любезный друг, я скоро возвращусь.

Он исчез между деревьями; но через несколько времени явился с противоположной стороны, прикрывая этот раз наготу свою большим подсолнечником. Он вторично пробежал мимо окна, кивнул мне головою и скрылся. Явление это повторялось довольно часто. Наконец Артемий Семенович остановился, посмотрел на часы и стал кричать самым ужасным голосом. Я думал, что весь дом сбежится на его крик, и сам не мог утерпеть, чтоб не двинуться вперед, спеша к нему на помощь; но Артемий Семенович сделал известный уже мне успокоительный знак рукою и продолжал кричать. Иногда он посматривал на часы и наконец замолчал, почти выбившись из сил. Кряхтя и запыхаясь, вошел он в комнату, бросился в мои объятия и крепко прижал меня к сердцу.

– Извините, – сказал он, – извините, почтеннейший, что заставил вас так долго дожидаться! Не угодно ли вам чаю или не прикажете ли чего другого? Ух, уморился! Трепетинский! – продолжал он, обращаясь к вошедшему с подносом дворецкому, – давай скорей чаю! Что ж это ты, братец, голодом моришь дорогого гостя! Ух, устал! Ух, Боже мой!... Не сердитесь, почтеннейший, дайте дух перевести!

– Несу, сударь, несу! – отвечал Трепетинский, ставя на стол поднос с чайным прибором, – несу, батюшка, несу, несу!

Между тем Артемий Семенович осыпал меня учтивостями и расположился возле меня на диване. Он был высокого роста, хорошо сложен и глаза имел быстрые и умные.

– Представьте себе, почтенный друг, – сказал он, скрестив одну ногу на другую и облокотясь на подушки дивана, – представьте себе, что я этак каждый день осужден утомляться! Боже мой! что за жизнь, что за жизнь, как подумаешь...

– Но позвольте спросить, – заметил я, – для чего вы...

– Для чего? Для здоровья, почтеннейший, для здоровья! Человеку нужен моцион, вольный воздух, регулярная жизнь. Сильный крик расширяет легкие, – это всякий знает, но никто на это не обращает внимания. Когда вы у меня несколько поживете, мы будем вместе бегать в саду и кричать: вы увидите, как это полезно.

– Покорно благодарю, – сказал я, – но мне никак нельзя остаться у вас долее завтрашнего дня; я так спешу...

– Пустое, почтеннейший, пустое! Мне еще нужно обо многом с вами потолковать. Вот, например, что вы скажете об этом?

Тут Артемий Семенович отворил большой шкаф и стал вынимать из него какие-то запыленные модели, похожие на то необыкновенное здание, которое я видел на холме возле дома. По мере того как он вынимал эти модели, он ставил их на стол *под ранжир* и вскоре совсем его загромоздил.

– Что это такое? – спросил я.

– А как бы вы думали? – сказал Артемий Семенович.

– Мельница?

– Как бы не так!

Тут вошел Трепетинский с какими-то наливками; увидел модели, вздохнул и печально покачал головою.

– Это, сударь мой, – продолжал с довольным видом Артемий Семенович, – это, сударь мой, коли вы слыхали, все разные *перпетуум мобиле*!

Я не мог утерпеть, чтоб не улыбнуться.

– Мне кажется, – сказал я, – что *перпетуум мобиле* значит вечное движение; а модели ваши стоят неподвижно.

– Вот то-то и штука, – отвечал Артемий Семенович, нисколько не смешавшись, – они стоят неподвижно, потому что я еще не отыскал для них удобного движителя; но дайте срок, у меня здесь (он ударил себя по лбу), у меня здесь сидит такая выдумка, о которой вскоре заговорят в Европе! А propos[1], вы сочинитель?

– Нет, я живописец.

– Живописец! – вскричал радостно Артемий Семенович. – Пойдемте со мною.

Он схватил меня за руку и потащил в другую половину дома. Она была убрана прекраснейшими картинами италианской и фламандской школы. Артемий Семенович начал говорить о живописи, и я был удивлен его здравым суждением и глубокими познаниями Он говорил с жаром истинного любителя; но заключение его разговора меня удивило.

– Все это, однако, – сказал он, – дрянь в сравнении с механикой! Я вам сейчас покажу изобретенную мною водоочистительную машину.

Он схватил меня за руку и опять потащил за собою.

– Посмотрите, – сказал он, подымая крышу машины, – посмотрите, какая в ней грязная вода. Я нарочно велел влить в нее воды погрязнее. Теперь смотрите, какая выйдет вода из крана: кристалл, чистый кристалл!

Он повернул кран, но из него выбежала такая же грязная вода, какая была в машине.

– Это ничего, – сказал Артемий Семенович, – если ее раза два процедить, она будет совершенный кристалл! Но не хотите ли посмотреть на мой вертел?

Мы пошли в кухню. Какие-то колеса и шестерни сцеплялись вместе и занимали почти всю комнату. Три человека с большим трудом вертели огромный цилиндр и приводили в движение железный прут, на котором перед огнем жарился цыпленок.

– Каково? – сказал хозяин дома, потирая руки.

– Кажется, – заметил я, – механизм немного сложен. Этим бедным поваренкам, должно быть, несколько тяжело!

– Помилуйте! тем лучше, что тяжело. Моцион, почтеннейший, моцион! О! у меня ничего не забыто, одно истекает из другого. А посмотрите-ка сюда: пока цыпленок жарится, здесь сбивается масло, а тут рубится зелень. У меня на риге есть веялка, которая вместе и веялка и орган! Но это еще ничего; пойдемте-ка в мою спальню. Что, вы думаете, это такое?

– Треугольная шляпа?

– Совсем нет: рукомойник! А это?

– Скрыпка.

– Как бы не так! Это дорожный ящик с бритвами. А это?

---

[1] Кстати (фр.).

– Пистолет.

– Хорош пистолет! Это чернильница, чернильница, милостивый государь, чернильница!

Артемий Семенович еще много показывал мне предметов вроде скрыпки и рукомойника. Когда подали ужин, он наскоро надел парик и шитый кафтан и сел со мною за стол. Не знаю, вся ли его кухонная посуда была устроена вроде вертела, но ужин показался мне отличным. Артемий Семенович был очень веселого нрава. Он много в своей жизни читал; знал несколько иностранных языков, и разговор его, когда он не касался механики, был как нельзя более занимателен.

Мы расстались уже поздно. Отведенная мне комната была чиста и покойна; белье на постеле тонко и бело; перина раздувалась очень приманчиво; но, признаюсь, я лег на нее не без боязни: мне казалось, что при первом прикосновении она превратится или в воздушный шар, или в какую-нибудь водоочистительную машину. Опасение мое, однако, было напрасно, и я уже предавался приятному сну, как меня разбудил вошедший на цыпочках Трепетинский.

– Извините, сударь, – сказал он, – я пришел просить вас о важном деле!

– Меня?

– Да; о таком важном, – продолжал старик, упав на колени и целуя мою руку, – о таком важном, что я отдал бы остаток жизни, лишь бы вы, батюшка, исполнили мою просьбу.

Я смотрел на него с удивлением.

– Вот, извольте видеть, сударь, – продолжал он, – прогневили мы, видно, Господа Бога! Покойный Семен Артемьевич, – дай Бог ему царство небесное, – оставил нам именьице порядочное: семьсот душ, батюшка, да капиталу тысяч триста в ломбарде; кажется, всего довольно! Только уж разорит нас проклятая механика, вижу, что разорит! Особливо эти распроклятые *петумебели*, провалиться бы им сквозь землю, прости меня Господи! Знаю, батюшка, что грешу, а не могу не ругать этих *петумебелей*! Не знаю, кто их выдумал! Виданное ли это дело, сударь, чтоб молодой, богатый барин день и ночь просиживал над этими колесиками? и какой от них прок? Уж добро бы Артемий Семенович делал машинки для воды или вертелы, ну, скажут, страсть, – вот и все! А то что за *петумебели*? к чему они? Да уж пусть бы они делали одни маленькие, а то изволили видеть, – на горе стоит, словно мельница ветряная.

– Как, – спросил я, – и это...

– И это *петумебель*, и в селе есть *петумебель*, и в хуторе *петумебель*, и везде-везде *петумебели*! Сто тысяч на них убили! сто тысяч, батюшка, легко сказать! Ах, Боже мой, Боже мой! прогневили мы Господа!...

Старик закрыл лицо руками и горько заплакал.

– Что же ты хочешь, чтоб я сделал?

– Батюшка! – вскричал Трепетинский, – отец родной! сделайте божескую милость, уговорите Артемия Семеновича, чтоб они бросили свою механику. Не доведет она нас до добра, ей-Богу, не доведет! Пусть лучше играет он в карты, прости меня Господи! Пусть заведут псовую охоту или что другое, только не механику! Артемий Семенович вас полюбили, я по всему вижу; может быть, они вас послушаются; а коли послушаются, так я вам буду вечный слуга, и Бог наградит вас на том свете!

Я обещался бедному старику исполнить его просьбу. Он вышел, осыпая меня благодареньями; но через несколько времени опять воротился.

– Уж если, – сказал он всхлипывая, – вам не удастся уговорить Артемия Семеновича, чтоб они совсем бросили механику, так пусть, по крайней мере, обещают вам делать одни только *сюрпризы*. Мало ли какие можно выдумать?

Намедни они изволили сделать сапоги с флейточками: как наденешь, так и заиграют; это, по крайней мере, *сюрприз*.

И старик вышел, утирая глаза кулаками. На другой день, за кофе, я покусился было уговаривать Артемия Семеновича, но он меня перебил:

– Вы видите этот кофейник? – сказал он. – Я изобрел его в прошлом году и довольно над ним промучился; зато посмотрите, какой кофе!

К несчастию, кофе никак не хотел протекать, и Артемий Семенович принужден был велеть подать обыкновенный кофейник. Впрочем, это его нисколько не смутило.

– Надобно будет, – сказал он, – придумать только третье сито. Я уж знаю, как это сделать, и тогда вы увидите, что будет за кофейник!

После кофе Артемий Семенович повел меня в село и заставил любоваться на крыши, построенные таким образом, что они при первом толчке распадались на части. Это, говорил Артемий Семенович, сделано на случай пожара. Правда, что во время дождя сквозь крыши эти вода протекает прямо в хаты; но Артемий Семенович говорил, что это ничего и что свежесть воды весьма полезна для здоровья.

Таким образом, добрый мой хозяин толковал в свою пользу все неудобства, сопряженные с его выдумками. От крыш пошли мы смотреть мельницу, и тут-то изобретательный ум Артемия Семеновича показался во всем своем блеске. Ничто в его мельнице не походило на обыкновенную: жернова, вместо того чтобы лежать горизонтально, стояли перпендикулярно; водяное колесо снабжено было каким-то черпательным снарядом, потому что Артемий Семенович хотел, чтоб оно вместе и мололо, и проводило воду в какой-то отдаленный хутор, который, впрочем, в воде не нуждался.

– Видите этот пруд? – сказал Артемий Семенович, – хотите, я в две минуты его выпущу?

Он дернул за веревку – и действительно, не прошло двух минут, как весь пруд выбежал через несколько шлюз и явилось тинистое дно, на котором запрыгали караси и окуни, показывая свои белые брюшки. Этот опыт был изо всех самый удачный. Артемий Семенович от радости потирал руки. Он предложил мне также в пять минут разобрать мельницу, но я попросил позволения еще раз взглянуть на его картины, и мы возвратились домой.

После обеда Артемий Семенович бегал по саду в одном парике и башмаках и кричал полчаса. Потом мы вместе пили чай и весело провели вечер. Я намекнул на свой отъезд, но он не хотел о нем и слышать.

На другой день я принужден был осматривать разные *перпетуум мобиле,* кроме одного, большого, стоявшего на горе. Его мне Артемий Семенович не показал, вероятно, чтобы я сам не воспользовался его мыслью прежде, чем она приведена будет в исполнение.

Следующий день во всем подобен был предшествовавшим. Но лишь только я заговорил о своей бричке, Артемий Семенович показывал мне какую-нибудь машину и перебивал мою речь.

Я решился уехать тихонько; но попытки мои отыскать свой экипаж были тщетны: мне всегда отвечали, что он еще чинится.

Однажды Артемий Семенович объявил мне, что бричка готова и что я могу ехать.

– Но прежде чем отпущу вас, – прибавил он, – я хочу показать вам свой лабиринт. Пойдемте со мною.

Мы пришли в сад к круглому месту, где множество дорожек сплетались, путались и пересекали одна другую. Пространство между дорожками засажено

было кустами; но так как лабиринт только что заводился, то кусты не успели разрастись и можно было, стоя в средине, видеть конец лабиринта.

– А ну-ка, почтеннейший, попробуйте-ка сюда войти, – сказал мне Артемий Семенович.

– Но уж я велел закладывать, – отвечал я.

– Ничего, ничего, почтеннейший; сделайте милость, посмотрите мой лабиринт.

– Да я его и так вижу.

– Ну, уж сделайте милость, войдите!

– Зачем? – сказал я, предчувствуя какую-нибудь измену.

– Ну, я вас прошу!

– Право, не хочется!

– Душенька, миленький, пожалуйста!

Я не захотел огорчить Артемия Семеновича и, собравшись с духом, вошел в его лабиринт. Артемий Семенович стоял у входа, и только что я добрался до средины, он захлопал в ладони.

– А ну-ка, почтеннейший, – сказал он, – посмотрю я, как вы отсюда выберетесь!

– Полноте шутить, Артемий Семенович, я, право, спешу; сделайте милость, покажите мне дорогу!

– Чтоб я показал вам дорогу! Нет, почтеннейший, посидите-ка здесь до вечера; а завтра, после кофе, поедете. Я теперь поправил свой кофейник: вам надобно его посмотреть.

– Не хочу я смотреть на ваш кофейник! - сказал я, теряя терпение.- Вот уж неделя, как вы держите меня здесь Бог знает зачем! Скажите мне, как отсюда выйти, или я сам найду дорогу!

– А ну-тка, ну-тка!

Тут я, без всякого уважения к замысловатому лабиринту, начал шагать через кусты поперек дорожек и вскоре очутился на чистом месте, подле Артемия Семеновича.

При виде решительного моего поступка Артемий Семенович очень смешался, и сильная досада изобразилась на добродушном лице его.

– Ну уж, почтеннейший, – сказал он, – этого я никак от вас не ожидал, никак-таки не ожидал! Могу сказать, что вы первый этаким образом выходите из моего лабиринта! Скажите, после этого к чему же лабиринт? Кажется, я довольно долго ломал над ним голову; дорожки спутаны, как гордиев узел. Вы бы до завтра их не распутали...

– Александр Великий разрубил гордиев узел, – отвечал я, направляя шаги к дому.

– Признаюсь, я никак, никак этого не ожидал, и от кого же? от вас, которого я полюбил как брата!

Во всю дорогу Артемий Семенович был очень печален. Глядя на него, мне стало его жалко. Однако выражение его лица делалось все веселее по мере того, как мы приближались к дому. Глаза его устремлены были на мою бричку, уже заложенную и стоявшую у крыльца. Меня поразили в ней какие-то странные прибавления, вроде ящиков, приделанных к колесам. Рассмотрев их внимательно и не понимая, что они значат, я обратился с вопросом к кучеру.

Артемий Семенович взялся за него отвечать.

– Это вам сюрприз, почтеннейший! – сказал он с довольным видом. – Доселе вы ездили в вашей бричке без всякой пользы; теперь у вас с одной стороны кофейная мельница, с другой – орган, и оба приводятся в движение

круговращением оси. Примите эти две машины в знак моего уважения и в доказательство, что я забываю вашу обиду.

Отговариваться было не время. Я радовался, что получил свободу, поблагодарил Артемия Семеновича и после многих объятий и гигиенических советов сел в свою бричку. Кофе в мельнице уже был насыпан, лошади тронулись с места, и орган заиграл:

Гром победы, раздавайся;
Веселися, храбрый росс!

При проезде через село мужики почтительно снимали передо мной шапки, мальчишки бежали за мною, и я с триумфом выехал из поместья Артемия Семеновича. Не нужно прибавлять, что в тот же день кофейная мельница сломалась, а орган перестал играть "Гром победы, раздавайся"; ось, к которой они были приделаны, покривилась, – и я принужден был остановиться в одной деревне для ее починки.

<1845>